

INSPIRIA

Клэр
Контрерас

INSPIRIA

Клэр Контрерас
Пока не заполучу тебя
Серия «Cupsake. Темная
романтика (Эксмо)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74321531

Пока не заполучу тебя: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-251827-0

Аннотация

Три года назад она ушла без объяснений. И этим уничтожила меня.

Я Лахлан Дьюк – звезда хоккея, будущее НХЛ, тот, которым хотели быть все парни и с которым хотели оказаться в постели все девушки.

Но не Лайла Джеймс Маришаль. Она не добивалась моего внимания – она меня игнорировала. Отталкивала. Была недоступна. И именно поэтому я стал одержим ею.

Когда я наконец заполучил ее, мир стал идеальным. Команда шла к победе в чемпионате, меня ждал драфт, а Лайла была моей.

Пока однажды она не исчезла. Просто растворилась. Без слов, без следов.

Три года я жил с этой злостью. Три года искал. И нашел.

Лайла разрушила мою жизнь. Теперь я стану ее самым страшным кошмаром. И на этот раз она никуда не сбежит.

«Когда ты смеешься, когда улыбаешься... Это самое прекрасное, что я когда-либо видел».

Клэр Контрепас – автор бестселлеров по версии New York Times и USA Today, мама двух замечательных детей и жена настоящего угрюмого героя любовных романов.

Больше всего она любит писать истории, окутанные тайной, где угрюмый герой влюбляется первым, а героиня с недоверием наблюдает за его бесконечными попытками произвести на нее впечатление. Будучи стопроцентным Водолеем, Клэр увлечена мистикой и оккультизмом и утверждает, что тишина – один из ее любимых звуков (сразу после смеха).

Она опубликовала более 25 книг, многие из которых переведены на различные языки.

Клэр родилась в Доминиканской Республике, выросла в Майами, штат Флорида, а сейчас живет в Северной Каролине с самыми любимыми людьми.

Содержание

Часть первая. Прошлое	7
Пролог	7
Глава первая	10
Глава вторая	32
Глава третья	38
Глава четвертая	56
Глава пятая	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Клэр Контрерас

Пока не заполучу тебя

Claire Contreras

UNTIL I GET YOU

Copyright © 2023 by Claire Contreras

© Теодоракис М., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2026

* * *

Предупреждение

Одержимый герой с болезненной страстью

Преследование

Упоминание суицида

Насилие

Сцена изнасилования (неявная, но может вызвать триггеры)

Тебя пытались сбить с ног, но ты поднялась и стала еще выше.

Тебе пытались подрезать крылья, но они отрасли и окрепли.

Они думали, что угрозы заставят тебя замолчать, но твое мужество громче любых угроз.

Я тебя вижу.

XO

Часть первая. Прошлое

Пролог

Лайла

Иногда крылья вырастают из отчаяния.

Я смотрела на свою машину, пытаюсь заглушить ледяную дрожь, ползущую по позвоночнику, и эта мысль пульсировала у меня в висках. Со стороны все это выглядело как случайный акт вандализма, но я знала правду. Глубоко вдохнув, я шагнула вперед – под подошвами хрустнуло стекло. Я обошла машину и открыла водительскую дверь. Прежде чем сесть, протерла сиденье футболкой. Захлопнула дверь, и в нос ударил запах сигарет. Меня едва не стошнило. Реакция была чисто физиологической. Я попыталась подавить спазм, крепко зажмурившись и вцепившись в лежащую у меня на коленях спортивную сумку.

Повернувшись, чтобы переложить сумку на пассажирское сиденье, я увидела аккуратно установленный с левой стороны осколок стекла. У меня перехватило дыхание. Дрожащими руками я завела двигатель. На приборной панели валялся

окурок. Я не стала к нему прикасаться и отъехала, стараясь ничем не выдать своей реакции. Я знала – он за мной следит. Не знала, где он, но знала – наблюдает. Он от такого заводится. Но он не заслуживает доступ к моим эмоциям – и он его не получит. Мы оба понимали, что означает оставленное им послание.

Дорога домой пролетела в тумане тошнотворной тревоги, но внешне я оставалась спокойна. Припарковавшись, забежала в дом и заперлась изнутри. Бросилась в спальню и тоже захлопнула дверь. С тяжелым сердцем посмотрела на разложенные фотографии – безмолвное напоминание о том, почему мне нельзя терять бдительность. Марисса уже приготовила для меня наряд. Я подумывала пропустить вечеринку. Так и надо было поступить, но последние два года учебы в колледже я и так провела как затворница.

Я устала. Устала от того, что *он* стремился разрушить все, что приносит мне радость. Мне просто хотелось пойти на вечеринку, как обычной студентке колледжа, и ни о чем не беспокоиться. Для этого вечера установлены строгие правила: небольшой, тщательно отобранный список гостей, никаких телефонов и фотографий. Я знала, что могу пойти не беспокоясь. Знала, что там он не станет меня преследовать. Не сможет. Да и имеет ли это теперь значение? Он уже о нас знает. Через два дня мы отсюда уедем. Всего два дня.

Я встала и еще раз бросила взгляд на платье. Его послание напомнило: он все еще может мне навредить. Он и раньше

пытался подрезать мне крылья. Кажется, на этот раз он возомнил себе, что вырвет их и сожжет.

Но я не позволю.

Я встала и начала собираться.

Глава первая

Лахлан

Судьбе пришлось изрядно постараться, чтобы устроить нашу встречу. Начнем с того, что я чуть не забил на ту вечеринку. В начале недели меня угораздило попасть в автомобильную аварию – по вине братца.

Он съехал с дороги, пытаясь избежать столкновения с оленем. Это ему удалось, но вместо этого он размазал парочку койотов, которые намертво застряли между дубом и передним бампером. Разумеется, мистер «Спасите-каждую-зверушку» ужасно расстроился. Он сломал левую руку. Я отделался парой швов на челюсти. Мама всполошилась так, словно наступил конец света. Местные газеты и журналы поместили мое фото на первых полосах: *«Хоккейная звезда «Фэрвью» попал в автомобильную аварию»*. Сплошная драма.

Два дня спустя я уже вернулся на лед и забил гол, который вывел нас в полуфинал. Обычно это стало бы поводом для празднования, но в тот раз у меня жутко разболелась голова, да еще и пришлось встать ни свет ни заря, чтобы помочь брату перевезти вещи к его девушке. Кроме того, я уже дважды отмечал подобное событие. Этот год мог стать третьим подряд – если, конечно, мы не облажаемся. А мы не обла-

жаемся, пока я играю. Я не самоуверен. Хоккейная команда «Фэрвью» была совсем никудышной до того, как четыре года назад я решил сюда переехать. Подписав контракт, я перетянул за собой еще нескольких игроков, и мы стали побеждать.

До того как я начал играть в хоккей, был аутсайдером, и во мне скопилась обида размером с Аляску. В последнее время она уменьшилась до Джорджии, так как я наконец-то получил заслуженное признание. Меня считают одним из лучших игроков в стране; доказательство тому – выгодный контракт, который в прошлом году мне предложила профессиональная команда.

Друзья считали, что я спятил, отказавшись от такого предложения. Мой агент пилил меня месяцами, но наконец отстал. У меня был план. Я собирался отработать здесь четыре года, подписать контракт в качестве свободного агента с командой моей мечты и сорвать еще больший куш. Дело не только в деньгах, хотя они никогда не бывают лишними. Мне больше не пришлось бы зависеть от моего никчемного папашки.

Впрочем, если быть объективным, никчемным моего отца не назовешь. Нет, Генри Дьюк, наследник «Технологий Дьюка» – теперь уже миллиардной компании, которая обеспечивает правительство и элиту информацией и безопасностью, – жил, черт бы его побрал, на широкую ногу. Я получил полную стипендию на хоккей, но Лиам сидел бы на грантах и кредитах, если бы не Генри Дьюк, полностью оплативший

его обучение. Учитывая доходы компании, это было меньшее, что он мог сделать. Что касается меня, мы с Генри связаны только кровью и фамилией, да и то лишь до тех пор, пока я не решу сменить свою. Для меня Генри Дьюк – пустое место. А судя по тому, как редко мы видимся, это чувство у нас с ним взаимно.

Вздыхая, я пробирался через дом. Я пришел сюда тридцать минут назад и до сих пор не смог выбраться во двор. Каждый раз, когда я делал шаг, у меня на пути вставал очередной желающий вступить со мной в беседу. Так было всегда. Раньше мне по большей части нравилось такое внимание, но в последнее время – уже не так сильно, а сегодня и подавно. Я собирался провести этот вечер дома. В пятницу, если только мы не играли, я занимался стиркой и домашними заданиями. Все знали, что по пятницам я не хожу на вечеринки. Но сегодня сделал исключение: у Аарона был день рождения, и его девушка устроила для него праздник.

Закруглив очередной разговор, я прихватил у двери пиво и наконец вышел на улицу. Я обещал, что приду. Но не обещал, что буду общаться. Открыв крышку и сделав глоток, я направился в сторону Нэша и Дрю. Они помогали каким-то девицам из сорорити¹ делать стойку на кеге² – и явно

¹ Сорорити в контексте американских университетов и колледжей – это женская общественная организация, в которой девушки поддерживают друг друга, живут по определенным правилам и часто имеют общее жилье. В отличие от братств, которые состоят из мужчин, сорорити предназначены исключительно для женщин. (Здесь и далее – прим. пер.)

рассчитывали на благодарность.

– Ты пришел, чтобы нам помочь? – Блондинка подошла ко мне и прижалась грудью к моей руке. Я знал эту девушку, но не мог вспомнить, как ее зовут. С именами у меня вечно не ладилось. Лица помнил, а вот имена – почти никогда.

– Нет. Похоже, Нэш и Дрю и вдвоем справятся. – Я отсалютовал им пивом и двинулся прочь.

Дойти до стены. Дойти до стены. Дойти до стены. Игнорируя подвыпившую толпу, я не сводил глаз с цели – белой стены, которую называл своей, когда впервые пришел сюда на вечеринку. Эта стена стала для меня своеобразным убежищем: подальше от толпы – не настолько далеко, чтобы не чувствовать атмосферу вечеринки, но и не так близко, чтобы позволить втянуть себя в очередную дурацкую игру. Я вспомнил о том, как в последний раз участвовал в подобном «развлечении», и меня передернуло.

Мне уже почти удалось добраться до стены, когда я заметил прислонившуюся к ней девушку. Это было не ново. Иногда они поджидали меня тут, словно соревнуясь, кто раньше других заведет со мной разговор и кого я отвезу домой в конце вечера. Я не преувеличиваю. Фэрвью жил и дышал хоккеем, и ему досталась десятилетняя полоса неудач, прежде

² Стойка на кере (keg stand) – популярное развлечение на американских студенческих вечеринках, когда человека переворачивают вниз головой, держа за ноги (обычно помогают друзья), после чего он хватается руками за кран пивного кега (металлической бочки с пивом) и пытается пить пиво прямо из крана, пока есть силы или не закончится воздух.

чем я приехал сюда и все изменил. Так что всем хотелось заполучить частичку меня, и особенно – женщинам.

Но эта девушка выделялась на фоне остальных. Для вечеринки она была одета неподходяще: мешковатый топ почти до колен и черные чаксы³. Но больше всего в глаза бросалось выражение ее лица – она наблюдала за всеобщим весельем затуманенным взглядом, в котором не отражалось никаких эмоций. Новенькая? Нет, семестр почти закончен... Но она явно новенькая. Была в ней та неброская красота, которую трудно забыть: карамельный цвет лица, идеальные черты и рельефно очерченные ноги, выдававшие спортсменку. Темно-каштановые волосы до талии, полные губы, сейчас слегка поджатые, – единственный признак того, что она обращает внимание на собравшихся. Я даже не понял, что остановился как вкопанный, пока кто-то не налетел на меня, выдергивая из ступора.

– Ой, блин! Мне так жаль. – Девушка хихикнула, сжав мою руку, и ахнула, узнав. – О, может, мне не так уж и жаль!

Я отдернул руку, даже не потрудившись взглянуть в ее сторону. Даже если бы захотел, не смог бы оторвать взгляд от девушки в мешковатом наряде. Почему? Черт побери, понятия не имею. Я подошел поближе к незнакомке. Она никак не отреагировала на мое появление, но ее плечи слегка напряглись, и я понял, что мое присутствие замечено. Шагнув вперед, загородил ей вид на вечеринку. Наконец она подняла

³ Чаксы – имеются в виду кроссовки фирмы Chucks.

взгляд – сначала чуть-чуть, потом выше, и еще выше, пока не встретилась со мной глазами. И все, что я смог подумать, было «*Черт поberi*». Карие. За свою жизнь я видел бесчисленное множество карих глаз, но ее – были другими. Я не мог это точно описать. В них словно закручивался водоворот, черная дыра, способная затянуть и утопить без остатка. Резкий голос девушки вывел меня из наваждения, в которое она меня погрузила.

– Что ты делаешь?

– Ты на моей территории.

– На твоей территории? – Она нахмурилась. – Собираешься вступить в это сорорити?

Она прекрасно знала, сорорити – чисто женский клуб, и, хотя ее ответ был забавным, я не собирался доставлять ей удовольствие, рассмеявшись. Она продолжала изучать меня, ее взгляд скользил по каждой черточке моего лица. Интересно, она соврет, сказав, что меня не знает? Некоторым девушкам нравилось разыгрывать из себя скромницу: «*Боже, не может быть! Ты спортсмен?*», как будто мое телосложение буквально не кричало об этом. Должен признать, судя по ее взгляду, она была либо великой актрисой, либо действительно не знала, кто я такой.

– Эта стена – моя территория, – повторил я.

– Ты *владеешь* этой стеной? – Ее губы шевельнулись, словно она пыталась сдержать смех. – Ну ладно, Джон Смит.

– Черт поberi... Кто такой Джон Смит?

– Ужасный человек, но я имела в виду диснеевскую версию. Из «Покахонтас». – Она так пристально разглядывала меня, что я едва подавил желание на всякий случай вытереть лицо – вдруг оно испачкано. – Ну, знаешь, колонизатор.

Ну ничего себе поворот.

– Не думаю, что видел этот мультик, и нет, я не владею этой стеной, но здесь обычно стоит команда.

– Какая команда? – Она окинула меня внимательным взглядом.

– «Пламя», – пояснил я, хотя и подозревал, что это просто уловка, чтобы меня заинтересовать.

– А... Я тут уже давно, и больше никого здесь не было.

Она прислонилась к стене, скрестила руки на груди и отвернулась.

Если это не было пренебрежением, то я не знаю, что тогда им считать. Невероятная наглость: эта девчонка игнорировала меня, словно я – пустое место! Я прислонился к стене на некотором расстоянии от нее и огляделся. Что могло так привлечь ее внимание? Девушки, делающие стойку на кеге? Те, кто бегают под включенными поливалками газона? Народ уже вовсю раздевался. Две девушки одновременно целовались с Нэшем, это выглядело круто и забавно. Может быть, это они ее заинтересовали? Я продолжил осматривать лужайку. Сегодня тут творился полный бардак. Мой взгляд упал на девушку, которая незадолго до этого столкнулась со мной, и она *посмотрела* в ответ. Я быстро отвернулся, на-

деясь, что она не подойдет. В большинстве случаев ко мне приближались только те, на кого я сам смотрел достаточно пристально. Таким образом я заключал сделку. Или скорее *они* ее заключали, поскольку я не всегда был надежным партнером. Сейчас я не хотел, чтобы сюда подходили. Даже не хотел, чтобы здесь была та, что находилась рядом со мной, но, по крайней мере, она вела себя тихо. Сегодня вечером я жаждал тишины. Всегда предпочитал тишину пустой болтовне. Так что и сам не понял, почему первым нарушил молчание. Наверное, все когда-нибудь бывает в первый раз.

– Ты новенькая? – спросил я.

– Нет.

– В самом деле? И ты меня не знаешь?

До меня дошло, что теперь я выгляжу самовлюбленным придурком, но мое лицо было расклеено повсюду.

– Я думаю, ты кажешься мне немного знакомым. – Она искоса посмотрела на меня. – Хочешь сказать, что снимаешься в порно?

– *Что?! –* Смешок вырвался из моей груди и сорвался с губ прежде, чем я успел его подавить. – Ты часто смотришь порно?

– Да не то чтобы часто. Но есть такой приколы: если кто-то говорит, что ты кажешься знакомым, нужно ответить, что ты – порноактер. Глупо, конечно, но мир вообще полон идиотов, так что... – Она пожала плечами.

Казалось, я совсем не произвел на нее впечатления, и, дол-

жен признать, это было странно. Может быть, отчасти поэтому я продолжал стоять рядом с этой девушкой с лицом богини и характером Уэнсдей Аддамс⁴. Или она из тех, кто предпочитает, чтобы за ними бегали? Если так, то удачи, твою мать. Погоня за кем-то была для меня чуждой концепцией, которая отнимала больше времени и энергии, чем я был готов потратить. Я снова посмотрел на девушку. Она наблюдала за вечеринкой с таким безразличием, что мне оставалось только гадать, почему она вообще здесь оказалась.

– Похоже, ты не впечатлена.

Ее взгляд метнулся ко мне.

– Тобой?

– Всем.

Казалось, она на мгновение задумалась, и в центре ее лба образовалась небольшая морщинка.

– Я не... просто мне скучно.

– От чего тебе скучно?

– От всего. – Она фыркнула, а затем издала усталый, невеселый смешок.

– Если хочешь, могу избавить тебя от скуки. – Я одарил ее своей очаровательной улыбкой, от которой обычно у девушек мурашки бежали по коже.

Она уставилась на меня:

– Нет, спасибо.

⁴ Уэнсдей Аддамс – героиня «Семейки Аддамс», созданная карикатуристом Чарльзом Аддамсом.

Нет, спасибо. Скрывая охватившее меня веселье, я поднес к губам бутылку пива и сделал большой глоток, чтобы не рассмеяться. Я потерял счет количеству женщин, которые бросались мне на шею, стоило мне войти в дверь. А та, кого я сам спросил – чего я, черт побери, никогда не делал, потому что мне, мать вашу, никогда не приходилось об этом спрашивать, – сказала *«нет, спасибо»* тоном покупательницы, которая отказывается от того, чтобы на нее брызнули духами в парфюмерном отделе.

– Ты состоишь в этом сорорити?

– Черт возьми, нет, – сказала она и быстро добавила: – Как по мне, в сорорити нет ничего плохого. Просто мне это неинтересно.

– Верно. Потому что тебе скучно. – Я повернулся, оперся локтем о стену и скрестил руки на груди, чтобы смотреть на нее во время разговора. Она не повторила моего движения. Ну надо же!

– Значит, у тебя есть подруги в сорорити.

– Моя соседка по комнате.

– Твоя соседка по комнате тебе не подруга? – Я сделал очередной глоток пива.

– Она – моя лучшая подруга. – Она нахмурила брови, оглядываясь по сторонам, возможно пытаясь найти свою соседку по комнате – лучшую подругу. Я боролся с желанием протянуть руку и разгладить морщинку между ее бровями, чтобы она перестала хмуриться. По ее виду я понял: если

рискну дотронуться, получу коленом в пах.

– Выпить хочешь? – спросил я. Не знаю, что, черт возьми, заставило меня задать этот вопрос. Может быть, мне стало так же скучно, как и ей.

– Я не пью на вечеринках.

Я открыл рот, чтобы задать еще один вопрос, когда ее внимание отвлек окрик.

– Лайлз! – Я поднял голову на звук голоса Прескотта и понял, что он направляется прямо к нам.

У меня внутри все сжалось. Господи, если «Лайлз» – девушка Прескотта, я не знаю, что делать. Я достаточно часто пересекался с Прескоттом, чтобы знать, что у него нет девушки, но, возможно, он только пытается к ней подкатить. В таком случае непонятно, он рассчитывает на серьезные отношения или она для него – обычная потаскушка. У нас действовала политика запрета на всех, к кому парни относились серьезно. Если кто-то из ребят хотел конкретную девушку и говорил: «Чур, моя!», остальным приходилось отступать. Глупая традиция, введенная до того, как я начал здесь играть, и она сохранялась еще долго после того, как я ушел. Каждый год капитан хоккейной команды выбирал случайное число – количество женщин, с которыми каждый игрок команды должен был переспать в этом сезоне. Тот, кто отказывался от участия в розыгрыше, должен был внести в общую копилку сто баксов. Если кому-то не удавалось набрать нужное количество, он также должен был внести в банк сто

долларов. В этом году нашим капитаном был Аарон, и он выбрал число десять. Поскольку я всегда добивался поставленной цели, мне никогда не приходилось класть в этот банк ни цента.

Прес подошел к нам и бросил мне знак мира. Я наблюдал за тем, как он обнимает и кружит в объятиях маленькую Уэнсдей. Она не рассмеялась, но улыбнулась. Чертовски приятная улыбка.

– Даже не верится, что Марисса уговорила тебя прийти. – Он отодвинул ее от себя и оглядел ее с головы до ног. – Отлично выглядишь! Впрочем, как и всегда.

Я фыркнул. Они оба посмотрели на меня. Я отхлебнул пива и отвернулся. Нет, плохо она не выглядела. Она была чертовски великолепна. Но ее футболка с изображением Гарри Стайлса казалась настолько огромной, что, наверное, могла бы оказаться впору *мне*. Мешковатая одежда буквально кричала: «Не приближайся!» Интересно, обратил бы я на нее внимание в любой другой вечер, если бы она не стояла на моем месте? Я перевел взгляд с руки Прескотта, лежащей на ее плече, на Аарона, который уже был изрядно навеселе и собирался исполнить стойку на кеге. Не сводя с него глаз, стал вслушиваться в их разговор.

– Как у тебя дела? – спросил ее Прес.

– Все хорошо. Бэнкс. Ну, ты знаешь. – Она пожала плечами.

– Семестр почти закончился. Может быть, в следующий

месяц сможешь прийти и повеселиться, прежде чем мы уедем.

– Может быть.

Лунья. Вечеринки интересуют ее примерно так же, как меня – шахматы. То есть не интересуют вообще.

– Ты ведь знаешь, что я всегда рядом, верно? – Он понизил голос и снова заключил ее в объятия.

– Спасибо. – Она отстранилась, положив обе руки ему на грудь, чтобы установить дистанцию. – Вообще-то, я уже собиралась уходить, но я рада, что повидала тебя, Прес.

– Что? Да ладно, Лайлз. Ну же. Ты не была ни на одной моей игре, не заходила в гости, и, когда бы я ни приходил, тебя не было дома. Ты не можешь просто уйти, – он снова коснулся ее плеча.

Господи Иисусе. Прес распускает руки!

– Почему ты вообще здесь стоишь? – Он взглянул на меня. – Погодите, вы знакомы?

– Не-а, – сказала она. – Даже не встречались.

У меня поползли вверх брови. То есть технически она была права. Мы не были представлены официально, но она произнесла это так, будто до этого мы даже не разговаривали. Я уже знал о ней четыре вещи: ей нравились Гарри Стайлс и Покахонтас, она не пила на вечеринках и ей было скучно. Не думаю, что смог бы назвать четыре вещи о других женщинах на этой вечеринке, а ведь с некоторыми из них я и в кровати успел поваляться, так что это кое о чем говорило.

– Ой. – Он посмотрел на нас обоих. – Лахлан, это Лайла. Лайла, это Лахлан.

– Очень приятно, Лахлан. – Она повернулась ко мне и протянула руку для рукопожатия.

То, как она это сделала, меня позабавило, но я не подал виду, принимая ладонь. Ее рука была маленькой и хрупкой, и от прикосновения по мне пробежал странный электрический разряд. Это заставило меня задержать ее руку в своей дольше, чем следовало. Я притянул ее немного ближе к себе, просто чтобы подразнить, посмотреть, изменится ли выражение ее лица. Оно не изменилось, но я заметил, как что-то на миллисекунду промелькнуло в ее глазах, прежде чем она наконец отняла руку. Она продолжала смотреть на меня, и эти любопытные глаза заставили меня почувствовать себя более уязвимым, чем мне хотелось бы признать. Наконец она отодвинулась и повернулась к Пресу.

– Приходи в воскресенье в загородный клуб, – сказал ей Прескотт. – Кое-кто из наших устраивает бранч у бассейна. Дейдре всегда спрашивает о тебе. Она будет рада с тобой повидаться.

– Я так давно ее не видела, – сказала она, опустив взгляд и снова подняв ресницы.

– Приходи, – он с улыбкой коснулся кончика ее носа.

– Может быть, и приду, – улыбнулась она.

Чертовски здорово улыбнулась. Ее улыбка выглядела искренней. Мне стало интересно, каково это, когда кто-то, кто

нечасто улыбается, адресуя тебе столь великолепное послание. Захотелось испытать это, пусть даже всего один раз.

Она похлопала Преса по груди.

– Ну, сучки, я сваливаю!

Это было так неожиданно, что я рассмеялся. Она ушла, бросив над головой знак мира. Даже не взглянула в мою сторону, чтобы попрощаться. Строго говоря, она попрощалась, поскольку произнесла «сучки» во множественном числе, но на меня даже не глянула. Я наблюдал за ней, ожидая, что она обернется, пробираясь сквозь толпу. Конечно, обернется. Они всегда оборачиваются. На мгновение она остановилась, когда какой-то придурок налетел на нее, и я замер. Для нее это была отличная возможность оглянуться. Она этого так и не сделала. *Какого черта?*

– Она... – Прес покачал головой. – Это что-то.

– Она необщительна.

– И это говорит парень, который подпирает стену и наблюдает за вечеринкой, как будто мы – его крестьяне, – вскинул бровь Прес.

Я хмыкнул:

– Кто она вообще такая?

– Лайла Джеймс Маришаль. – Он засунул руки в карманы и качнулся на пятках. – В старшей школе Олимпии она была всеобщей сексуальной мечтой.

Хм. Я этого не заметил. Необщительна, носит одежду огромного размера и разговаривает отрывисто? Она при-

влекла мое внимание, но ни один старшеклассник на нее бы не запал. Я выбросил пустую бутылку в мусорное ведро в паре шагов от меня, рыгнул и снова прислонился к стене. Лайла Джеймс Маришаль. Забавно. У нас одно и то же второе имя. Я вообразил, как рассказываю ей об этом, и представил, каким непонимающим взглядом она на меня посмотрит.

– Маришаль. Бывший бейсболист, а сейчас – мэр?

– Да. Это ее отец. Он – здешняя легенда. – Престон прислонился спиной к стене. – Иммигрант, профессиональный спортсмен, бизнесмен, сам добившийся успеха, а теперь еще и мэр.

Я кивнул. Однажды я с ним встречался, и он показался мне достаточно приятным. Крупный меценат, активно участвующий во всех спортивных мероприятиях университета. Поскольку я никогда не покидал кампусный мирок, если только не ехал домой, с элитой Фэрвью я не общался. Как и большинство из нас. Но мы слышали безумные истории о вечеринках, которые они устраивали. Меня несколько раз приглашали в дом мэра Маришалья на его ежегодный спортивный праздник, и я каждый раз отказывался. Это не по мне. Влезать в модную одежду и сидеть за столом в компании надутых индюков – это не совсем то, что вписывается в мое представление о хорошем времяпрепровождении.

– Почему Лайла была всеобщей сексуальной мечтой? – спросил я, возвращаясь к этой теме. – Не понимаю.

Прес приподнял бровь:

– Она чертовски сексуальна под этой мешковатой одеждой.

– Откуда ты знаешь? – Я выпрямился и повернулся к нему.

– Она не всегда так одевалась.

– Вы встречались? – спросил я и нахмурился от собственного вопроса.

– Нет. – Он усмехнулся тихо, почти сдавленно.

– Что смешного? Я думал, она была *всеобщей* сексуальной мечтой?

– Была.

– Но не твоей?

– Нет, и моей тоже, какое-то время. – Он пожал плечами. – Даже если бы я попытался к ней подкатить, она бы не обратила внимания.

Это заставило меня задуматься. У Прескотта было не так много девушек, как у меня, но в этом деле он наступал мне на пятки. Я что-то упускаю? Никогда ни о ком не задавал столько вопросов. И уж точно не о какой-нибудь чертовой девчонке. Определенно, ни одна из моих знакомых не осталась равнодушной к моему стилю общения. Мне бы промолчать. Но мне было скучно. Чертовски скучно, и мы все равно просто стояли у стены.

– У меня такое чувство, что я чего-то не понимаю, – сказал я вслух. – Разве ты не был самым популярным парнем в своей школе? Так говорят все девчонки, которые с тобой

учились.

– Да, наверное, это так.

– И что?..

– Лайлз не такая, как все. Такую девушку если заполучил – не отпускаешь. Хотя заполучить ее практически нереально. – Он снова посмотрел на меня с серьезным выражением лица. – Вообще нереально.

– А, – кивнул я, – она из тех, кому нужны «серьезные отношения»?

– Она? – Он рассмеялся. – Черт возьми, ни за что.

Я уставился на него. Я определенно многое упускал из виду. Он улыбнулся, покачав головой, как будто сама мысль о том, что Лайлу Джеймс Маришаль может кто-то заполучить, была абсурдной. Если это так, то...

– Она – девушка, которую нельзя упускать, – объяснил он.

Я хотел спросить «почему», но прикусил язык. Меня не волновали все эти «навсегда» или «упустить кого-то». Один важный для меня человек меня уже бросил, и я не нуждался в повторении. Не подпускаешь близко – не сможет и ранить. Все просто.

Он вздохнул:

– Послушай, я знаю ее с тех пор, как мы ходили в детский сад. Я уже давно воспринимаю ее только как друга, почти как сестру. Но да, она была самой привлекательной, популярной, самой желанной девушкой в школе. Возможно, потому, что она редко кому давала шанс, и это было раньше.

– Я бы так не сказал, – протянул я, вместо того чтобы задавать новые вопросы. – Самая привлекательная, самая популярная... Я бы так не сказал.

– Ну да. Теперь – не сказал бы. – Он усмехнулся, но смешок вышел печальным. – Тогда она была... другой. Общительной. Живой.

Живой.

– Что произошло?

Он резко вдохнул:

– Скажем так, она официально входит в «Стоп-лист».

– Что произошло?

Прес не стал интересоваться, какого черта я задаю так много вопросов, но моргнул, уловив язвительность в моем тоне.

– Я знаю, что она не в твоём вкусе, поэтому мне не нужно тебе это говорить, но я все равно скажу. Она никогда не упадет к твоим ногам, не переспит с тобой просто так и не захочет стать еще одной зарубкой на столбике твоей кровати.

Я приподнял бровь:

– Она фригидная?

– Нет. – Прес закатил глаза и смерил меня серьезным взглядом. – Я серьезно, Лах. Она и так через многое прошла. Если увидишь ее, не цепляйся. – Он повернулся и помахал кому-то рукой. – Это ее соседка по комнате. Вот она больше в твоём вкусе!

Я поднял глаза и увидел, как симпатичная грудастая брю-

нетка машет в ответ. Судя по взгляду, брошенному в мою сторону, она скоро будет здесь. Я задумался над словами Преса. Мне не понравилось его предположение насчет того, что Лайла не в моем вкусе. Возможно, он просто имел в виду, что она не из тех, кто согласится на секс, максимум на два. В таком случае она действительно не в моем вкусе. Однако мне еще никогда не советовали держаться от кого-то подальше, и мне это не понравилось.

Она казалась несокрушимой, и в этом был свой резон. По-настоящему сломать человека можно только один раз. После этого все просто разлетается на кусочки. Мне очень хотелось, чтобы Прес рассказал мне, что случилось с Лайлой Джеймс, но перед нами уже стояла ее соседка по комнате. Она быстро обняла Прескотта и повернулась ко мне. На самом деле у меня не было предпочтительного типажа женщин. В течение многих лет я все равно брал девушек только сзади. Не хочу сказать, что не занимался другими вещами, но, когда дело доходило до настоящего секса, я устанавливал четкие границы.

– Я Марисса.

– Лахлан.

– О, я тебя знаю! – Она улыбнулась, взгляд темно-карих глаз скользнул по моему телу. В отличие от своей соседки по комнате Марисса выглядела так, будто не возражала запрыгнуть на меня прямо здесь, только вот мне сегодня было не до этого.

– Вот черт! Мне нужно разобраться. – Прескотт оттолкнулся от стены и рванул к своей бывшей и какой-то девушке, между которыми явно разгорался скандал.

– Начинаются разборки, – заметила Марисса.

– Кошмар. – Я посмотрел, как Прес встал между ними, и мне стало жаль парня.

– Итак... – начала Марисса. Я посмотрел на нее. Она облизнула губы. – Я собиралась уходить, и, поскольку я здесь одна, думаю, мне следует спросить, не хочешь ли ты пойти со мной?

– Куда?

– Ко мне домой. – Ее улыбка стала томной и обольстительной.

– И где ты живешь?

– В двух кварталах отсюда.

– Хм.

Я задумался. Действительно задумался. Сегодняшний вечер оказался полон неожиданностей. Я, конечно, не спал со всеми, кто подходил ко мне с подобным предложением, но в любую другую ночь Марисса оказалась бы в моем списке.

– К слову, у меня есть соседка по комнате, но она привыкла к компании, так что это не будет проблемой.

Я положил руку ей на поясницу.

– Показывай дорогу.

Как только она упомянула «соседку», я перестал подпирать стену и был готов идти. Она бросила на меня взгляд,

говори́вший о том, что для нее это не впервой. Что, впрочем, я и так понял. Не то чтобы меня это волновало. Когда мы выходили, я держался на некотором расстоянии от нее. Я еще не решил, к чему все это приведет, но мне нужно было выяснить, где она живет. Возможно, это подло — использовать девушку, чтобы сблизиться с ее соседкой по комнате, но других вариантов у меня сейчас не было.

Глава вторая

Лахлан

Честно говоря, Марисса была последней, кого я хотел сегодня видеть. Вчера мы с ней вместе ушли с вечеринки, и в обычной ситуации я ни за что не вернулся бы сюда только ради нее, но дом Прескотта всего через два дома отсюда, а я все равно шел мимо. Таким оправданием я прикрылся перед ней – и перед собой, когда сидел в ее гостиной, ожидая, пока она соберется. Прошлой ночью она была очень настойчива, но мне удалось удержаться от соблазна – кстати сказать, впервые в жизни. Я бы, наверное, сдался, если бы думал, что Лайла простит мне такую оплошность. Но ей вряд ли понравится получить то, что уже побывало в руках ее подруги. Я не понимал, почему меня это так волнует, и потому раздражался. Думал об этом по дороге домой, после того как распрощался с Мариссой. Продолжил размышлять перед сном, и единственное, что пришло мне в голову, – что Лайла Джеймс меня заинтриговала. К несчастью для нее. Обычно в женщинах меня интересует только то, что у них под одеждой, и насколько они мокрые, когда я их беру. Не более того. После одного-двух раз все иллюзии рассеиваются.

Два раза – мой предел. С третьего раза женщины начина-

ют привязываться. Если бы кто-то вздумал проводить исследование на эту тему, у меня нашлось бы достаточно практического материала для анализа. Первый раз обычно происходил после игры или вечеринки, так что это было весело и ново. Номер два больше походил на вопрос: «Было ли это так хорошо, как помнится, или мне показалось?» Номер три... Ну, до трех я добирался только пару раз. И оба раза об этом пожалел. Они привязывались. Из веселого перепихона все превращалось в «давай как-нибудь встретимся, выпьем кофе или что-то еще». Конечно, они намекали, что после этого непременно случится продолжение, но мне было неинтересно с ними общаться. Если уж мне приспичит выпить кофе или что-нибудь покрепче, я всегда могу сделать это со своей мамочкой.

Феномен Лайлы был чем-то иным. Именно так я называл это сейчас (мысленно, конечно). Я даже не говорил о ней со своими товарищами по команде. Впрочем, я и не заявлял «чур, моя!», и не спал с ней, так что говорить было особо не о чем. Впрочем, я не собирался открыто признаваться в том, чем сейчас занимаюсь. Я пробыл в квартире Лайлы и Мариссы достаточно долго, чтобы прослушать альбом Тейлор Свифт, который включила Лайла. Мы дошли до песни о том, как «слезы отскакивают рикошетом», которая, судя по тому, что Лайла стала подпевать, была ее любимой. Чертовски грустная песня. Теперь Лайла мыла посуду. Когда я пришел, она лежала, свернувшись калачиком, на диване и чита-

ла книгу. Я задал ей несколько вопросов по этому поводу, но она проигнорировала их, и я выхватил книгу у нее из рук, чтобы привлечь ее внимание. Я ее по-прежнему не интересовал. Это сводило с ума.

– Сегодня субботний вечер, – сказал я.

– Тебе больше не с кем потусоваться? – Она посмотрела на меня из-за раковины.

– Конечно, есть, но Марисса идет на ту же самую вечеринку, так что я решил заехать за ней.

И я хотел увидеть тебя снова.

Она проигнорировала меня и снова уткнулась в чашку, которую мыла, теперь одними губами произнося слова следующей песни.

Сколько, черт возьми, песен в этом альбоме? Музыка отвлекала, и я опасался, что не смогу ее больше выносить.

– Хочешь к нам присоединиться? – спросил я.

Она состроила гримасу:

– Ты только что сказал, что идешь на вечеринку.

– И что в этом плохого?

– Ничего.

Я подавил стон. Вот чертова девчонка! Почему она не может снизойти до простого разговора? Черт возьми, я вот-вот запою. Если бы я знал слова хоть немного, я бы, наверное, так и сделал. Вот как отчаянно я хотел, чтобы она со мной поговорила. Ее безразличие и рассказ Прескотта о том, что раньше она была совсем другой, заинтриговали меня.

Кто-то просто ощутил бы любопытство, возможно, попытался бы разузнать что-то новое, а потом забыл. Я же *зацикливался*. На хоккее, машинах, оценках, а вот теперь – на Лайле Джеймс Маришаль. Единственным человеком, который смог настолько меня заинтересовать, был мой отец, который появлялся только тогда, когда ему это было удобно. В его отсутствие я *зацикливался* на его жизни. *Где находится его офис? Кто его секретарша? Почему он связался с Нэнси из бухгалтерии, вместо того чтобы остаться с моей матерью, которую он предположительно любил больше всех на свете (как и своих детей)?* Музыка внезапно оборвалась и вырвала меня из моих мыслей.

– Почему ты не хочешь пойти?

– Потому что не люблю людей. – Она сказала это так буднично, что, несмотря на раздражение, я рассмеялся, и тогда она добавила: – Но, если проблема в том, что ты планируешь заняться сексом и не можешь выступать при мне, я могу уйти и вернуться... – она оценивающе смерила меня взглядом, – ...минут через пять.

Я отвернулся, чтобы она не увидела, как я смеюсь. Как так вышло, что ее оскорбления меня и забавляют, и возбуждают?

– Почему ты не хочешь остаться? Боишься, что тебя это возбудит и ты захочешь присоединиться?

При этих словах она рассмеялась от души, и, черт возьми, я попытался не реагировать, но ее смех был прекрасен. Глаза заблестели, она слегка запрокинула голову. Это было зара-

зительно. Интересно, всегда ли в ее глазах светилась эта искорка, пока что-то не сломалось? Она выключила воду, вытерла руки и взяла свою сумочку. Собралась уходить. *Куда? С кем?* Я крепче сжал книгу, представляя вместо нее ее запястье. Талию. Горло.

– Что смешного? Вполне реальный сценарий. Наверняка ты видела это в порно, которое смотришь.

Она закатила глаза, но я заметил тень улыбки. На ней были мешковатые джинсы и футболка оверсайз. На этот раз – с Бигги Смоллс. Даже несмотря на бесформенную одежду, я видел, как покачивались ее бедра, когда она неторопливо двинулась в мою сторону. Все это время она не сводила с меня глаз. Мое сердце учащенно забилося. Люди предсказуемы. Обычно я могу заранее предугадать, что они сделают. Это и отличает меня от большинства других на льду. Если знать, куда смотреть, можно предсказать, по крайней мере, половину поступков любого. Но только не в случае Лайлы Джеймс. Судя по тому, как она двигалась, невозможно было понять, сядет ли она ко мне на колени или отвесит пощечину. А может, и то и другое. Она остановилась у меня между ног, так близко, что я мог бы усадить ее к себе на колени. Черт, я хотел этого. Она была так близко, что если бы посмотрела, то увидела бы сквозь ткань моих джинсов, насколько она меня возбуждала. Мешковатая одежда, волосы, собранные в небрежный пучок, странные музыкальные пристрастия – и все равно я никогда не встречал никого сексу-

альнее этой женщины.

– Во-первых, – сказала она, наклоняясь так, что мы оказались лицом к лицу. В тот раз я впервые увидел в ее глазах что-то, кроме пустоты. В них были огонь и насмешка, и от такого коктейля мне стало трудно дышать. – В порно мне не нужен сюжет. – Она выхватила книгу у меня из рук и придвинулась еще ближе. Я чувствовал мятное дыхание и витавший вокруг нее аромат гардении. Наши носы почти соприкасались. Это проверка? Долю секунды она смотрела на мои губы, потом снова заглянула в глаза, и я подумал, что теперь она точно меня поцелует. Я не мог сказать, что чувствую по этому поводу. Я никому не позволял себя целовать. – Во-вторых, секс мне нравится не больше, чем люди.

Я часто заморгал, мое сердце бешено колотилось.

Она повернулась и пошла прочь, оглянувшись через плечо с самой греховной улыбкой, которую я когда-либо видел.
– Желаю повеселиться на вечеринке!

Меня нелегко удивить, но я был чертовски удивлен. Ей ничего не нравится, ладно. Но как, черт побери, можно не любить секс? Проклятие. Я ненавидел ее за то, что она выводила меня из себя и играла со мной. Я возненавидел ее еще больше за то, что она сообщила мне эту информацию и ушла. Теперь я буду одержим ею до тех пор, пока она не даст мне объяснений.

Глава третья

Лахлан

Когда Прескотт упомянул, что Марисса и Лайла собираются в загородный клуб, я предложил за ними заехать.

По счастью, он не усомнился в моих мотивах. А следовало бы, потому что я никогда не предлагал никого подвезти. Но он, вероятно, думал, что это как-то связано с Мариссой. Прес и не подозревал, что я бы с радостью оставил ее задницу дома и просто взял с собой Лайлу. То, что я двадцать минут буду находиться с ней в машине, означало, что ей придется со мной поговорить. Конечно, когда я добрался до их квартиры, Марисса сказала мне, что Лайла уже уехала. Я сидел в гостиной, ожидая, пока Марисса закончит собираться, и во второй раз загуглил Лайлу. Ее профили в социальных сетях были закрыты, и я уже отправил ей запросы в каждую, даже в те, которыми не пользовался. Она не приняла ни один. Благодаря широкой известности ее отца я узнал, что у нее день рождения 28 января. Она играла в футбол, и, по видимому, играла неплохо. На выпускном была с каким-то придурком по имени Скайлар Уайатт Паркер, чьи посты были открыты для публики, и я смог выяснить все до конца. Дошел до его первого поста, что стало настоящим достиже-

нием, поскольку у парня оказалось более четырех тысяч публикаций. В старших классах он играл в лакросс, а сейчас выступает за Йельский университет. Учится на врача.

Мне попались две их совместные фотки: одна – с выпускного, на другой он обнимает ее за плечи. На ней толстовка с капюшоном, которая настолько велика, что, скорее всего, принадлежит ему. В подписи красовался смайлик с сердечками. Я почувствовал, как лицо исказилось от отвращения. На пятой странице поиска я нашел доску объявлений, где обсуждалась автомобильная авария, в которую попала Лайла. Подробности не сообщались, и большинство комментариев были отредактированы. Должно быть, ее отец постарался. Может быть, она была в состоянии алкогольного опьянения и устроила аварию? В одном из комментариев на третьей странице обсуждения говорилось: *«Пожалуйста, хватит об этом говорить. Жизни людей были разрушены!»* Сообщение было оставлено чуть более года назад ником PiKaChOo9. Я кликнул по нику и просмотрел другие его комментарии, но в основном они касались покемонов.

– Готова. – Марисса вышла из своей комнаты. Я нажал боковую кнопку на телефоне и поднялся.

Ее сарафанчик явно был рассчитан на демонстрацию всего, что ниже пояса, – и я не сомневался, что мы это увидим. Это же вечеринка у бассейна. Честно говоря, с Мариссой я был почти на пределе. Вчера вечером она наконец уразумела, что я ею не интересуюсь, и перестала пытаться затащить

меня в постель. Я прибегнул к крайним мерам и позволил какой-то девчонке с моего курса по экономике сесть ко мне на колени прямо у нее на глазах. Дурацкий поступок, но за свою жизнь я повидал достаточно таких Марисс и понимал, что она не отстанет, пока я не продемонстрирую ей веские доказательства того, что она мне не интересна.

– Не могу поверить, что Прескотт пригласил нас именно в загородный клуб. Я не была там много лет, – сказала она в машине, делая паузы между словами, пока наносила тушь – прозрачную, по ее словам, из-за воды. – Он арендовал место у бассейна, а это дорого. И Лайла идет. Вообще сенсация.

Кажется, при упоминании Лайлы мое сердце забилося немного сильнее. Я не стал обращать на это внимание.

– Почему сенсация?

– Она через многое прошла, – сказала Марисса, поднимая солнцезащитный козырек. – Первые полтора года в колледже жила с другими девчатами, и, хотя мы были лучшими подружками, на вечеринки ходили порознь. А потом... – Она покачала головой. – Потом она переехала в гостевой дом своего отца, а в прошлом семестре наконец сдалась и перебралась ко мне, как и предполагалось четыре года назад.

– Я никогда ее здесь не видел, – заметил я.

– Она учится онлайн, поэтому почти никогда не бывает на кампусе, если только ей не нужно делать лабораторные. Ее ничего не интересует, так что два выхода за один уик-энд – это серьезно. Вечеринка пойдет ей на пользу.

– Все люди разные. Может быть, нужно дать ей возможность погоревать в тишине.

– Погоревать? – Я долго чувствовал ее взгляд, прежде чем она заговорила: – Ты вообще знаешь, что произошло?

– У меня есть доступ к интернету. – Черт, кто-то *погиб* в той автокатастрофе.

– ТЫ ГУГЛИЛ ЛАЙЛУ? – взорвалась она. – Зачем?!

Потому что она красивая и забавная, когда хочет, но в основном потому, что она заставляет меня испытывать ощущения, которых я никогда раньше не испытывал, и она меня заинтриговала.

– Она странная, поэтому я погуглил ее.

– Странная? – Марисса сморщила нос. – Послушай, если ты запал на Лайлу, просто скажи.

– Что? – я резко повернулся к ней.

– Я просто хочу сказать, что, если она тебя интересует, я могу замолвить словечко. – Марисса пожала плечами. – У нас же с тобой ничего не было. Она не против делиться, так что, даже если подумает, что у нас что-то было, ей будет наплевать, если нет ничего серьезного. Хотя, если ты хочешь ее, ты мне НЕ НУЖЕН. Не собираюсь участвовать в долбаном «сестринском гареме».

Я не знал, на чем сосредоточить внимание – на ее словах насчет «делиться» или на всем остальном. Конечно, зациклился на первом. Придется копнуть поглубже. Означало ли это, что она занималась сексом втроем? Если да, то как?

Две девушки, один парень? Два парня, одна девушка? Она не производила впечатления женщины, которой такое нравится, но, если ее лучшая подруга говорит, что она не против делиться, приходится верить. Значит ли это, что она – сторонница свободных отношений? Или только секса? Второе для меня – лучший вариант. Два раза – мой лимит.

Я тряхнул головой, отгоняя мысли. Я забегаю вперед. Пока отложу все это в сторону и добавлю к списку того, что вызывает у меня интерес к Лайле. Чтобы не давать Мариссе повода, я даже не добавил ее в друзья. Но, возможно, стоит посмотреть, нет ли у нее совместных фоток.

– К чему ты все это говоришь? – Я свернул на парковку и заглушил двигатель.

– К тому, что ты разговаривал с ней всего пару раз, а потом полез ее гуглить, – рассмеялась Марисса, выходя из машины.

– И что? Я постоянно гуглю людей.

Когда мы подошли к двери, она остановилась и положила руку на бедро:

– А меня гуглил?

– Нет.

Она ткнула в меня пальцем:

– Ты хочешь Лайлу! – Она не казалась расстроенной, смущенной или ревнующей. Скорее ее это забавляло.

– Да не нужна она мне! – Я нахмурился и открыл перед ней дверь.

– Послушай, я тебе сейчас скажу две вещи, а потом ты

сможешь решить, хочешь ли ты ее по-прежнему.

Я остановился и повернулся к ней.

– Слушаю.

– Во-первых, если ты разобьешь ей сердце, она никогда, я имею в виду, *никогда* не даст тебе второго шанса, – сказала она. Это казалось очевидным. – Во-вторых, ты знаешь тех девушек, которые любят изображать из себя недотрогу? – Она подождала, пока я кивну. – Лайлу трудно заполучить, но, боже, когда она открывается, она просто... честно говоря, она – один из моих самых любимых людей на планете.

– Почему она такая замкнутая?

Она приподняла бровь:

– Я думала, тебе это неинтересно.

– Марисса, хватит нести чушь. Почему? Из-за несчастного случая?

– Она всегда была немного сдержанной и разборчивой в выборе ближайшего окружения, но, хочешь верь, хочешь не верь, ее выбрали Мисс Конгениальность для школьного ежегодника.

– Что-то не верится. – Я двинулся дальше. – Итак, несчастный случай?

– Не люблю говорить об этом, особенно за ее спиной. Может быть, Прескотт тебе расскажет.

Вот зараза! Очередной пункт, который можно добавить к чертову списку.

Нас поприветствовала распорядительница, и я позволил

Мариссе вступить с ней в беседу, так как теперь пытался понять, почему Лайлу так трудно заполучить. Она девственница? Возможно, да. Но она *сказала*, что ей не нравится секс, а это значит, что она уже его испытала. Наверное, это был какой-нибудь тупица, который не смог ее завести. Козел. Теперь всем приходится расплачиваться за его несостоятельность.

Мы взяли у распорядительницы два полотенца и пошли в указанном направлении.

– Ты здесь бывал? – спросила Марисса.

– На бранче, но не в бассейне.

– О господи. Приготовься впасть в полный восторг! Это в помещении, но такое ощущение, что находишься на пляже, – широко улыбнулась она.

Когда мы подошли к бассейну, мне пришлось остановиться, чтобы все рассмотреть. Он был огромным и действительно походил на пляж. Увидев нас, ребята замахали нам со своих мест. Прескотт пригласил на бранч и в бассейн десять человек. Я насчитал восьмерых, включая нас. Не хватало только самого Прескотта и Лайлы. Мысль о том, что они где-то вдвоем, раздражала меня больше, чем должна бы. Я не имел на нее никаких прав; даже если бы и имел, она вправе дружить с кем хочет. Я говорил себе это, но меня все равно бросило в жар. Мысли переключились. Вечеринка у бассейна. Означало ли это, что Лайла наконец снимет свою мешковатую одежду или так и останется в ней и будет сидеть с наду-

тым видом на шезлонге? Когда мы уселись и присоединились к общей беседе, все мысли о ней отошли на второй план.

– Тренер хочет, чтобы мы пришли сегодня вечером, – сказал Дрю, сидевший напротив меня. – Он собирается заставить нас заплатить за игру на прошлой неделе.

– Это значит, что тебе нельзя пить? – уточнила Марисса.

– Ну, нежелательно.

Я перестал прислушиваться к их разговору и заговорил с Нэшем о новых коньках. Он рассказал мне о тренировочном лагере в Канаде, где был в прошлом году, и о том, как там появились тренеры КХЛ, – именно так он в итоге подписал контракт с «Монреалем», как только ему исполнилось восемнадцать. Я рассказал ему о подобном контракте, который подмахнул в том же возрасте, и о том, как мой агент смог его разорвать, сделав меня свободным агентом.

– Чувак, я бы пошел на убийство, лишь бы стать свободным агентом. Я говорил своему... – Он замолчал на полуслове, и у него на мгновение отвисла челюсть, прежде чем он пришел в себя и хлопнул Дрю по руке. – Боже мой. Вот черт! Чур-чур-чур, моя!

За последние четыре года я слышал, как Нэш скандировал «Чур, моя!» больше раз, чем мог сосчитать, но, когда я посмотрел на Дрю, который отличался совершенно противоположным вкусом в отношении женщин, и поймал его взгляд, устремленный на ту, что стояла позади меня, у меня мурашки побежали по коже.

– Ну, точно. Прес тебя убьет, – посулил Дрю, все еще не отводя взгляда.

– Это, черт возьми, того стоит, – пробормотал Нэш себе под нос.

У меня вдруг запылал затылок. Они, должно быть, говорили о Лайле. Если это так, мне нужно собраться с силами. У всех нас бывали классные девчонки, но Нэш – он похлеще меня, он не стал бы дважды заваливаться в постель с одной и той же девушкой несмотря ни на что. Я наблюдал, как они продолжают обсуждать это вполголоса, и что-то неприятное и чуждое скрутилось у меня в животе.

Марисса фыркнула:

– Я так предполагаю, пришла Лайла?

Никто из них не ответил, продолжая пялиться. Я даже не успел убедиться, что речь именно о Лайле, а мне уже хотелось выколоть им глаза. Еще одна странность. Марисса отодвинула стул, встала, повернулась, чтобы посмотреть, и ахнула. Подбежав, она взвизгнула:

– Боже мой! Ты молодчина!

Я сделал вдох, выдохнул и обернулся. Прескотт разговаривал с пожилой дамой, а рядом стояла Лайла, мать ее, Джеймс в облегающем бежевом платье. В нем было больше дыр, чем ткани, и оно доходило ей до лодыжек. Под ним виднелось белое бикини. Я был уверен, что перестал дышать. Я смирился с мешковатой одеждой и сказал себе, что мне все равно, как она выглядит под ней. Несмотря ни на что,

она привлекла мое внимание, но, черт возьми, такого я не ожидал. Прескотт продолжал беседовать, а Лайла заговорила с Мариссой, которая гладила ее волосы. Сегодня они были распущены и уложены волнами.

– Она вне игры, – сказал я, заставляя себя повернуться.

– Да ладно тебе, Лах, – взмолился Нэш. – Неужели тебе мало тысяч женщин, которые мечтают хоть о кусочке тебя? Уступи мне эту!

– Почему она вне игры? – Это был Мейсон, который сидел по другую сторону стола и не имел никакого отношения к этому разговору.

Я смерил его взглядом:

– Потому что я так сказал.

– Гребаная чушь, – прокомментировал Дрю.

– Марисса больше в твоём вкусе, Дрю, ты уж мне поверь. – Я повернулся к Нэшу. – Лайла не обсуждается, если не хочешь остаться без пальцев. Я не шучу.

– Черт побери! – Его брови взлетели вверх. Я не понял, что это значит, и не стал спрашивать.

– Джентльмены, – сказал Прескотт, занявший место во главе стола, и посмотрел на Мариссу и Лайлу, сидевших рядом с ним. – Дамы. Спасибо, что пришли. Давайте поедим, а потом поиграем.

Лайла скупо улыбнулась и помахала рукой. Когда наши взгляды встретились, ее глаза слегка расширились. Я был уверен, что никто больше этого не заметил, но я почувство-

вал прилив удовлетворения. Слева от меня был пустой стул, но она села между Мариссой и Прескоттом. Я хотел оттолкнуть всех и притянуть ее к себе. Черт, мне захотелось оттолкнуть их, усадить ее на гребаный стол и съесть вместо бранча. Я почувствовал, как кто-то ущипнул меня за руку, и сердито посмотрел на Мариссу за то, что она вырвала меня из этих грез.

– Сведи меня с Дрю, – прошептала она, – а я постараюсь свести тебя с Лайлой.

– Я уже замолвил Дрю словечко, – сказал я. Она просияла, но я осадил ее, добавив: – И я знаю, что ты несешь чушь, потому что Лайла вообще не любит людей. Она сама мне сказала.

Марисса фыркнула и прошептала:

– Разве она еще не говорила тебе, что ей не нравится секс?

Я нахмурился:

– Это ложь?

– Я имею в виду, она часто зависает с одним чуваком. Он – не ее парень, но, судя по количеству его сообщений, очень старается им стать.

Это меня раздражало.

– Кто это?

– Кто-то из футбольной команды.

Футбол? Какого черта? Футбольная команда была популярной, но Фэрвью жил и дышал хоккеем.

– Она ходит на игры? – спросил я, понизив голос, так как

она находилась совсем рядом. Это платье так обтягивало ее грудь, что, если она чихнет, уверен, крошечный топ от бикини капитулирует. Я одновременно надеялся, что это произойдет, и не хотел этого.

– Большой частью да. – У Мариссы заблестели глаза, как будто она сдерживала шутку.

Мне захотелось узнать больше. Почему она не ходит на наши игры? Прескотт сказал, что в последнее время она вообще не ходит на игры, но это не значит, что она никогда не приходила. Прескотт – ее близкий друг, так что это не пригнуто за уши, и, если быть до конца честным, я почти никогда не смотрю на трибуны. Прежде чем я успел задать какие-либо вопросы, с Мариссой заговорил Дрю.

– Кажется, мы раньше не встречались, – произнес Нэш, глядя на Лайлу.

Он улыбнулся. Она не ответила на улыбку.

– Я Нэш.

– Лайла.

Прескотт наклонился, чтобы прошептать что-то ей на ухо, и накрыл ее руку, лежавшую на столе. Мне так и захотелось отделать его сегодня вечером на тренировке. Может быть, пришибить ему пару пальцев. И плевать на то, что они знают друг друга целую вечность. Его рука, лежащая поверх ее, вызвала у меня волну жара. Черт. Когда я в последний раз чувствовал себя так, если вообще когда-либо чувствовал? Она сводила меня с ума.

Лайла высвободила свою руку из-под его и взяла меню. Она изучала его дольше, чем нужно. В нем было всего шесть вариантов. Мне потребовалось не больше минуты, чтобы сократить список. В сумочке Мариссы зазвонил телефон, и она, взглянув на экран, извинилась, наклонилась, сказала Лайле, что ей заказать, и встала из-за стола.

Теперь, когда она не сидела между нами, как кинжал, я получил возможность гораздо лучше рассмотреть Лайлу, но не мог продолжать молча пялиться на нее, не выглядя при этом полным идиотом, поэтому решил заговорить.

– Для тебя это кошмар – находиться среди всех этих людей? – тихонько спросил я.

– Вроде того. – Она повернула ко мне лицо. Боже, это лицо, эти губы, эти глаза. – Хотя цыпленка и вафли они готовят отменно, так что ваше общество, ребята, – не такая уж большая плата.

Я подавил смешок:

– Твой наряд... похоже, он совсем новый. Ты снимаешь бесформенную одежду только по воскресеньям?

Она положила руку на свободный стул Мариссы и наклонилась ближе ко мне, как будто хотела поделиться секретом. Я сделал то же самое, расположив свои пальцы всего в нескольких сантиметрах от ее. Она облизнула губы. Я подавил стон. Она сделала это нарочно. *Должна была сделать нарочно!* По какой-то причине, вероятно, из-за того, что она не проявляла интереса, я хотел, чтобы она захотела меня.

Это было выше моего понимания, потому что, как верно сказал Нэш, бесчисленное множество женщин постоянно вешались мне на шею. Ни одна из них не привлекала моего внимания. Но не в этом случае. Когда Лайла наконец решила удостоить меня своим ответом, она заговорила тихо-тихо, почти шепотом:

– Ты и твои придурковатые приятели только по воскресеньям заключаете пари, кто со мной переспит? – В ее глазах плясали огоньки. Черт. Как много она об этом знала?

– Хочешь, чтобы я принял это пари? – Я подвинул свою руку к ее, так что кончики наших пальцев соприкоснулись.

– Только если собираешься проиграть. – Она убрала руку и выпрямилась на стуле.

Я никогда в жизни ничего не терял (не считая отцовской любви), но в этот раз не нашелся, что ответить. Большую часть времени за столом я провел разговаривая с ребятами и игнорируя Лайлу. По крайней мере внешне. Когда она говорила, я сразу наострял уши. Впрочем, это случалось нечасто. Я ненавидел Мейсона, сидевшего напротив нее, – с лучшим видом во всем помещении. Меня раздражало, что Прескотт наклонялся к ней так близко всякий раз, когда что-то ей говорил. Я достал телефон и погуглил, какой срок меня ждет, если я решу ее похитить. После завтрака мы все вышли на улицу, чтобы полюбоваться видом на причал для яхт и поле для гольфа. Все разбрелись по террасе, чтобы сделать селфи. Я наблюдал за Лайлой. Весенняя температура была

идеальной, но она все время проводила руками по плечам, как будто ей было холодно. Я расстегнул рубашку и накинул ей на плечи.

Она вздрогнула и посмотрела на меня. На мгновение мне показалось, что она начнет возражать, но она просто сказала.

– Спасибо.

– Не за что. – Я посмотрел на причал. – Ты часто сюда приходишь?

– Конечно. – Ее взгляд на мгновение метнулся к моему. – Я готова пройти через что угодно, когда у меня начинается фаза отворачивания к себе, и я хочу себя помучить.

Я рассмеялся. Старался сдержаться, потому что не хотел поддаваться ее капризам, но она была забавной. Я поймал ее взгляд на моей обнаженной груди за секунду до того, как она отвернулась, и улыбнулся ей в затылок. Возможно, я чего-то добился. Все зашли внутрь, но Лайла шагнула вперед, оперлась локтями о парапет и закрыла глаза, когда ветер ударил ей в лицо. Я рассматривал ее. До этого момента я не замечал, насколько она ниже меня ростом. Хотя, даже будучи едва мне по грудь, она держалась с королевским величием.

– Ты ударишь меня, если я скажу, что ты прекрасно выглядишь?

Она повернула ко мне лицо и изучающе посмотрела. После многих лет пребывания в центре внимания я привык к тому, что меня награждают оценивающими взглядами, но меня никогда не рассматривали так, как это делала Лайла.

Захотелось протянуть руку и коснуться ее волос, поцеловать в губы, заключить ее, черт возьми, в объятия. *Целовать ее и держать в объятиях? О чем, на хрен, я думаю?* Я никогда не целовался с девушками. Мой брат называл это «ерундой с красивыми женщинами», но поцелуи были для меня чем-то слишком личным. Я знал, что для того, кто бесстыже делает куннилингус, странно испытывать отвращение к поцелуям в губы, но мне это было просто неинтересно.

– Спасибо. – Она улыбнулась. Улыбка была сдержанной, но заметной, и, что самое приятное, она коснулась ее глаз. – Ты тоже прекрасно выглядишь.

– Когда-нибудь, Лайла, ты скажешь мне что-нибудь приятное, и это будет искренне. – Я рассмеялся и покачал головой, глядя на яхты у причала.

Она повернулась и посмотрела на меня с серьезным выражением лица.

– Я никогда не говорю того, чего не имею в виду.

– Это у нас общее.

– Хм. – Она отвернулась к воде. – Ты придешь сегодня вечером, чтобы заняться сексом?

– Предлагаешь свою кандидатуру?

Она стрельнула в меня взглядом:

– Ты же знаешь, что нет.

– Почему?

– Ты занимаешься сексом с моей подругой. – Она снова перенесла свое внимание на причал.

– Нет.

– О. – Ее взгляд метнулся к моему, и она слегка нахмурилась.

– Теперь, когда мы все прояснили, не хочешь ли заняться сексом?

– Все равно нет.

– Из-за того парня, с которым ты встречаешься?

– Лахлан Дьюк, – сказала она, не поворачивая головы, но я услышал улыбку в ее голосе. – Ты меня преследуешь?

Улыбнулась ли она при мысли о том, что я ее преследую? Она, черт бы все побрал, понятия не имела, сколько раз я ее преследовал и буду продолжать это делать. Она улыбнулась, потому что подумала о нем? Такой вариант мне совсем не пришелся по душе.

– А тебе бы понравилось, если бы я тебя преследовал?

Она посмотрела на меня снизу вверх, заглянула в глаза:

– Нет.

Я застонал:

– Так это из-за парня, с которым ты встречаешься?

Она ничего не сказала, развернулась и направилась внутрь. Я последовал за ней, как потерявшийся щенок, каким себя и чувствовал, чего уж тут скрывать. Эта чертова девчонка буквально выворачивала меня наизнанку.

Я открыл ей дверь:

– Приму твое молчание за согласие.

Она пожала плечами:

– Хорошо.

Я никогда в жизни не стремился ни за кем ухаживать, и вот – первой девушке, в отношении которой у меня возникло такое желание, абсолютно все равно, пытаюсь я за ней ухаживать или нет. Возможно, я не произвел на нее впечатления, потому что она привыкла к тому, что парни падают к ее ногам. До сегодняшнего дня мне было бы трудно в это поверить, но любой в здравом уме согласился бы, что она горяча. И она была забавной. И Марисса сказала, что, если она раскроется, это того стоит. Все это время я не сводил с нее глаз. Она первой добралась до шезлонга, сбросила шлепанцы и аккуратно сложила рубашку, которую я ей дал. Закончив, сняла платье и продемонстрировала подтянутую попку в крошечных трусиках бикини. Мне пришлось перевести дух и отвести глаза. Я не хотел, чтобы парни видели, как сильно она на меня подействовала. Но я понял, что Лайла Джеймс будет моей, или я умру, пытаюсь сделать ее своей. Впервые за четыре года я собирался пожертвовать сто долларов в командный фонд, и мне на это было наплевать.

Глава четвертая

Лайла

Больше вечеринок я ненавидела только пафосные вечеринки, особенно те, на которых меня заставляли присутствовать. Я уже раз пятьдесят успела выглянуть из окна гостевого домика, пытаясь понять, когда будет удобно показаться на людях – и тут же смыться. Я знала, что многие студентки (и студенты) колледжа готовы убить за возможность побывать на знаменитом «Спортивном балу старшекурсников», который устраивал мой отец. Это жутко банальное, нелепое и прямолинейное название он придумал сам. От каждой команды приглашали лишь нескольких лучших игроков. Тематики из года в год повторялись: «Гэтсби» (естественно), «Египет», «Маскарад» и «Двадцатые годы» (честно говоря, все тот же «Гэтсби», вид сбоку). Отец обожал эту тему, поэтому в этом году мы снова выбрали «Двадцатые годы». Я уже столько раз участвовала в этом фарсе, что у меня скопилось по три наряда на каждый случай. Сегодня на мне было короткое, но свободное черно-золотое платье в стиле флэппер⁵ с бахромой до колен. Туфли на каблуках я собира-

⁵ Флэппер – яркая, дерзкая мода 1920-х годов, ставшая символом женской свободы и бунта против традиций. Характерные элементы: короткие, прямого силу-

лась надеть перед самым выходом. Я уже дважды порывалась выбраться наружу, но вечеринка проходила прямо во дворе, буквально в нескольких шагах от гостевого домика, и мне хотелось пробраться в шатер незаметно.

Мне всегда не нравилось здесь находиться, но сегодня – особенно. Я ненавидела отца, а сегодня ненавидела его еще сильнее за то, что он устроил этот вечер именно в этот день. Ненавидела Мари за то, что она соглашалась со всем, что он говорил и делал. Когда я умоляла их перенести дату, она сказала: «Нужно создавать хорошие воспоминания, чтобы вытеснить плохие». Как будто что-то может помочь мне забыть *тот* день. Мне с самого начала не очень нравилась Мари. Она всегда была добра ко мне, но, когда пару лет назад умерла мама, Мари переехала в дом моих родителей всего через два месяца после похорон. Мама всегда ее недолюбливала, и причина была очевидна. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: Мари, которая последние шесть лет была секретаршей моего отца, спала с ним. Вот такая банальная пошлость. До того как она переехала к нам, я жила в гостевом домике и пыталась остаться там после – не ради отца, а ради себя самой. Здесь я чувствовала себя ближе к маме, и меня никто не беспокоил. В любом случае я никогда не заходила в главный дом, так что присутствие Мари не задевало меня так сильно, как раньше. Я заказывала еду с доставкой или ездила за ней, лишь бы не заходить в дом.

эта платя с бахромой, блески, стеклярус.

Думаю, отец этого даже не замечал. Ему нравилось играть роль заботливого папочки, но не *быть* им на самом деле. Так продолжалось до тех пор, пока мама не погибла в результате несчастного случая. После аварии он, кажется, старался больше участвовать в моей жизни – если считать участием психотерапевта и деньги, которые он каждый месяц исправно переводил на мой банковский счет. Отец не пытался заклеить проблемы пластырем – он забрасывал их пачками денег до тех пор, пока они не переставали быть его проблемами.

Однако этим вечером я испытывала чувство вины и грустила не из-за мамы. Сегодня была годовщина смерти Люка. Люка, которого отец считал почти что сыном. Мои встречи с которым он поощрял. Узнав, что я собираюсь на выпускной с другим парнем, он позвонил Люку и извинился перед ним лично, как будто это как-то касалось его. Я чертовски сильно любила Люка, но никогда не стремилась выйти за него замуж, как бы часто он этим ни хвастался – а хвастался он часто. Лучше бы он этого не делал. Лучше бы никогда не объявлял, что купил мне обручальное кольцо, и не поднимал тоста на дружеском ужине с родителями и их друзьями, не говорил об этом и не шутил, что теперь мы можем сбежать и расписаться.

Я быстро заморгала, чтобы скрыть слезы. Терпеть не могу плакать: стоит начать – и уже не останавлиюсь. Я так давно не плакала, что даже сомневалась, в порядке ли у меня слезные

протоки, но сегодня вечером они заработают. Сегодня все эмоции, которые я обычно скрывала, выплеснутся наружу.

Сегодня вечером никто не заговорит о смерти Люка. Все знают, что даже пожатие моей руки в знак соболезнования может стать последней каплей. Обычно я находила способы отвлечься от любых чувств – возможно, это был самый полезный, но и самый разрушительный навык, который мой разум приобрел за минувшие годы. Полезный – потому что лишь горстка самых настойчивых пытались меня разговаривать. Разрушительный – потому что, научившись заглушать боль, рискуешь потерять способность чувствовать вообще. По большей части со мной так и случилось. До недавнего времени я думала, что во мне не осталось ничего, кроме вины и печали.

Телефон на кровати завибрировал, вырывая меня из моих мыслей, и я увидела сообщение от Бэнкса:

Бэнкс: я здесь. Столик 10. Ты где?

Я: уже иду.

Я надела туфли, еще раз проверила макияж и вышла из комнаты, плотно закрыв за собой дверь. По пути к шатру я делала глубокие успокаивающие вдохи и надеялась, что никто не остановит меня для пустой болтовни. Конечно, меня все равно остановили. Всякий раз, когда я наряжалась для этих проклятых мероприятий, окружающие тут же воображали, что я снова готова к общению. Как будто капля тонального крема и уложенные волосы могли мгновенно изле-

читать мою исковерканную, сломленную душу. Я едва вздохнула с облегчением, завершив очередную светскую беседу, как почувствовала на своем локте чью-то руку. Сначала нахлынули запахи – у них всегда были одни и те же одеколоны, один аромат острее другого. Оба неизменно перебарщивали с количеством, чтобы заглушить вонь сигарет, и вблизи запах был просто невыносимым. Я замерла, меня мгновенно захлестнул миллион темных эмоций, но внешне я осталась безучастной.

– Не хочешь поздороваться? – прозвучал у меня над правым ухом низкий голос Джеймсона. Я затаила дыхание, отдернула локоть, быстро обернулась и увидела двоих мужчин.

– Выглядишь потрясающе, Лайлз, – сказал стоящий рядом с ним офицер Хьюз и бросил в траву сигарету. Его голубые глаза медленно скользили по моей фигуре.

Я была бесконечно рада, что свободное платье многое скрывает, оставляя простор для воображения. Впрочем, это не делало сцену менее неловкой. Я пробормотала «спасибо», пытаюсь расслабиться, но тщетно. Эти двое всегда выводили меня из равновесия; двоюродные братья, они всегда были рядом, что только усугубляло ситуацию. Офицер Нед Хьюз – начальник полиции, герой Фэрвью и полный придурок, вечный мальчик на побегушках у отца, постоянно смешивающий всем коктейли. Всегда был душой вечеринки. Рядом с ним – Дэвид Джеймсон, бывший тренер, которого в Фэрвью также уважали. Его семья занимала высокое положение в об-

ществе. Когда он решил стать тренером хоккейной команды университета, все отнеслись к этому так, словно он занялся благотворительностью. Как будто ему не платили кучу денег. При этом он не нуждался в деньгах, поэтому его считали «таким добрым» и «великодушным». Женщины падали к его ногам. Рекордное количество его подопечных пробилось в НХЛ или КХЛ, их достижения напрямую связывали с тренером Джеймсоном. Он был лучшим другом моего отца и моим крестным. Я его *презирала*. На этом мероприятии я ненавидела каждого взрослого, имеющего отношение к Фэрвью, и все же сейчас они заставляли меня съезживаться.

– Я вас не заметила, – сказала я серьезным тоном и с отсутствующим выражением лица, переводя взгляд с одного на другого.

– Я так и думал. – Джеймсон улыбнулся, его голубые глаза блуждали по моему лицу. – Прекрасно выглядишь.

– Спасибо. – Я огляделась в поисках кого-нибудь, кто мог бы подойти и спасти меня от этих двоих.

К счастью, я увидела, что к нам приближается давняя подруга Джеймсона. Спасибо, Мироздание! Сидни была единственной, кого я могла выносить в этой толпе, вероятно, потому что она приехала из Чикаго. Она всегда выглядела безупречно и была доброй – в отличие от Хьюза, Джеймсона, моего отца и этой шлюхи Мари. Я не могла понять, почему Сидни оказалась в их компании, но подозревала, что этому во многом способствовали внешность, рост и обаяние

Джеймсона. На самом деле Хьюз был женат, что шокировало еще больше. Но, опять же, некоторым достаточно внешности, роста и обаяния.

– Привет, Лайла. Выглядишь великолепно, – Сидни улыбнулась и обняла меня.

– Ты тоже, – отозвалась я, держа ее за руку. – Ну, мне пора. Было здорово повидаться со всеми вами. Увидимся позже.

Я развернулась, расправила плечи и двинулась дальше. Войдя в шатер, огляделась и отыскивала Бэнкса. Конечно, десятый столик был на противоположной стороне. Мне не хотелось там сидеть, но я знала, что так будет лучше. Прескотт встретился со мной взглядом, когда я проходила мимо, и я увидела, как в его глазах отразилась моя печаль. Он едва заметно кивнул и отвернулся, беседуя со своим товарищем по команде. Прес не хуже меня понимал, что сегодня неподходящее время для общения. Он дружил с Люком и скорбел так же сильно, как и я. Я осмотрела шатер, украшенный люстрами и бело-фиолетовыми настольными композициями: больше походило на свадьбу, чем на спортивное мероприятие. Мари, несомненно, постаралась. Вероятно, она пыталась показать отцу, как могла бы выглядеть их свадьба, если бы он сделал ей предложение. Достаточно большие столы могли вместить от восьми до двенадцати человек. Здесь сидели агенты, спортсмены и профессиональные тренеры каждого вида спорта. Мероприятие формально считалось светским, но на деле служило лазейкой, позволявшей студен-

там-спортсменам неофициально сблизиться с теми, к кому им еще рано было подходить.

Я выбрала стол номер десять, так как за ним сидел Бэнкс. Не имело значения, кто еще был за столом. Мне в любом случае будет некомфортно. Бэнкс ждал меня, он улыбнулся и раскрыл объятия. Я обняла его в ответ и заняла свое место. Поздоровавшись с волейболисткой, с которой разговаривал Бэнкс, я еще раз осмотрелась по сторонам. Будь моя воля, я бы прямо за столом превратилась в привидение, а потом встала бы и ушла, и никто бы не заметил моего отсутствия. В последнее время такое случалось довольно часто. Я обратила внимание, что отец и Мари общаются, и чуть сдвинулась вместе со стулом, надеясь спрятаться за высокими фигурами Бэнкса и волейболисток. Сидела, разглядывала свои черные с золотом ногти, и тут услышала, что к нашему столу приближаются новые голоса. Я опустила глаза. Если не смотрю, значит, меня здесь нет. Таков был мой девиз. Кто-то сел рядом со мной, и я замерла, выпрямившись на стуле и расправив плечи. Мне был знаком этот запах. Господи Иисусе, только *не сейчас!* Я продолжала разглядывать свои ногти.

– Если я скажу, что ты прекрасно выглядишь, ты выплеснешь стакан воды мне в лицо? – спросил он, и его низкий голос зашекотал мне ухо.

Сердце бешено забилося, как и всякий раз, когда он оказывался рядом. Ощущение оказалось таким непривычным, что, когда это случилось впервые, я подумала, что умираю.

Я пыталась побороть прокатившуюся по телу дрожь и, надеясь сохранить бесстрастное выражение лица, продолжала считать до десяти. Не знаю, что я такого сделала, чтобы привлечь внимание Лахлана Дьюка, но с этим надо что-то делать. Это бы все сильно упростило. Несколько раз я сдавалась и флиртвала в ответ, каждый раз коря себя за это. Последнее, что мне было нужно, – это дать ему повод думать, что мы можем стать друзьями. Или, что еще хуже, больше чем друзьями.

Если бы я встретила его несколько лет назад, это не было бы проблемой. Я бы приветствовала это безумие. С головой окунулась бы в него не задумываясь. Однако сейчас я не могла открыться никому, и особенно – ему. Судя по спортивным статьям, которые я нашла, когда искала информацию о нем, ему сулили блестящее будущее. Я подождала еще три секунды и собралась с духом, чтобы поднять взгляд. Он и так был слишком хорош собой, а в этом костюме – и подавно. Я окинула его взглядом. Обычно взъерошенные густые каштановые волосы зачесаны назад. Идеальная оливковая кожа, полные губы и резкая линия подбородка. За его темные ресницы можно было убить, а эти глаза – оливково-зеленые с коричневыми крапинками – каждый раз сводили меня с ума. Высокий и внушительный мужчина, рядом с которым можно либо чувствовать себя в безопасности, либо испытывать ужас. Во мне он вызывал и то и другое.

Но он никогда не узнает об этом. Никогда не узнает, как

сильно я хотела протянуть руку и прикоснуться к каждой черточке его лица. Никогда не узнает, что он один вызывал у меня такие чувства. Люди постоянно твердят о любви. Я не знала, что это, но думала, что дело не в ней. Просто в нем было что-то особенное. Он смотрел на меня так, словно я что-то значу. Как будто за моим горем и виной видел во мне человека.

– Спасибо, – шевельнулись мои губы. Я попыталась улыбнуться, а вернее, изобразить на лице то, что оставалось в те дни от моей улыбки. – Ты тоже прекрасно выглядишь.

В его глазах заплясали огоньки. Он наклонился и прошептал:

– Для тебя это кошмар?

Мое тело напряглось. Он не мог знать, каким кошмаром для меня было вообще что-то делать сегодня вечером, не говоря уже о том, чтобы находиться среди людей. Он говорил мне буквально эти же слова на днях и получил ответ, но сегодня все было по-другому. Тогда этот вопрос показался мне забавным. Сегодня вечером слова вонзились в меня, словно когти, разрывая остатки разбитого сердца. Я продолжала считать и дышать, пока не взяла себя в руки. Последнее, что мне нужно, – это привлекать внимание и втягивать его в это. Я с трудом сглотнула. Проклятие! В любой другой вечер я смогла бы сохранить бесстрастное выражение лица. Возможно, даже сумела бы рассмеяться над его словами. Сегодня вечером мои глаза помимо воли наполнились слезами. Я

сильно прикусила губу, ногти впились в колени. Досчитала до десяти и начала сначала. Почувствовала его руку, всего лишь прикосновение кончиков пальцев к плечу, и покачала головой, еще сильнее впившись в губу зубами. При первом же ощущении вкуса крови мозг отключился. Осмелившись наконец заговорить, я прочистила горло и отодвинула стул.

– Я сейчас вернусь.

– Эй, ты в порядке?

Это был Бэнкс.

– Да. Я только что увидела кое-кого, с кем мне нужно поговориться. – Я отодвинула стул и вышла из шатра.

Слава богу, здесь было четыре выхода. Я вышла через ближайший к гостевому дому. Беседующая у входа компания заставила меня изменить курс. Я обогнула фиолетовую клумбу, которую Мари разбила специально ради этого мероприятия – официальные цвета школы Фэрвью, – и толкнула калитку, ведущую на небольшую площадку между домами. Мое убежище, где я обычно проводила время, болтала, а иногда выпивала или курила со своими друзьями. Именно там я впервые поцеловалась и потеряла девственность. Тогда я была такой безрассудной – такой беззаботной, такой доверчивой, такой чертовски глупой. При мысли о том, какой я была раньше, мне захотелось закричать. Мне бы просто уйти с мероприятия, но я знала, что это решение будет иметь последствия. Я села на скамейку и сосредоточилась на глубоком успокаивающем дыхании. Это не помогло, мне

все еще хотелось плакать, я встала и принялась расхаживать взад-вперед, повторяя свою обычную мантру: *«Просто пройди через это. Просто переживи сегодняшний вечер»*. Я развернулась, продолжая шептать заклинание, и замерла на полуслове, увидев в темноте его силуэт. Он сделал шаг вперед и встал прямо под гирляндой фонариков, которые мы с Мариссой помогали вешать маме. Боже, казалось, это было целую вечность назад.

– Что я такого сказал? – Лахлан держал руки в карманах, на его лице читалось неподдельное беспокойство.

– Ничего. – Я покачала головой. – Пожалуйста, возвращайся к ужину. Я в порядке.

Он медленно подошел ко мне – так смотритель зоопарка подходит к клеткам. Я могла убежать, могла осыпать его оскорблениями, могла сделать что-нибудь, чтобы его оттолкнуть, но я осталась на месте. Подойдя вплотную, он не вынул рук из карманов. Ничего не сказал. Просто стоял рядом, излучая властность, и от него исходил легкий аромат одеколona, который, как ни странно, приносил мне утешение каждый раз, когда он оказывался рядом. Мне захотелось его обнять. Захотелось, чтобы он обнял меня. Что-то в нем говорило со мной на том уровне, который я не до конца понимала. За его атлетическим телом и обезоруживающей улыбкой скрывались гнев и боль. Возможно, именно поэтому он хотел разрушить стены, которые я возвела вокруг себя. Я на мгновение смирилась с этим, смирилась с тем фактом, что этот

популярный горячий хоккеист, возможно самый красивый парень, которого я когда-либо видела, по какой-то странной причине продолжает появляться рядом со мной. Попытаться привязать его к себе было бы эгоистично. Безрассудно. Как бы сильно я ни хотела его, я не могла этого сделать. Как бы то ни было, я должна заставить его уйти, и в любой другой вечер я бы так и сделала. Но сегодня я устала. Чертовски устала.

У меня задрожала нижняя губа, глаза наполнились слезами. Я уставилась на вторую пуговицу его белой рубашки, еще раз вздохнула, всхлипнула и с трудом сглотнула, чтобы не расплакаться в открытую, но не смогла остановиться. Я даже не знала Лаха по-настоящему. Я ничего не могла рассказать о его семье или его любимом блюде. И все же каким-то образом я чувствовала себя с ним более комфортно, чем с большинством остальных. Несмотря на это, я ненавидела чувствовать себя слабой, особенно на публике. Я еще ни перед кем не ломалась, кроме Мариссы, и прошло много времени с тех пор, как она в последний раз видела меня в таком состоянии. Сегодня вечером я позволю себе расслабиться. Может быть, увидев меня такой, он наконец сбежит от меня куда подальше и мне больше не придется пытаться его оттолкнуть.

Мне было уже все равно. Собственно, у меня не осталось особого выбора. Я больше не могла делать вид, что все в порядке, и скрывать свои эмоции. Так что я не стала и старать-

ся. Вытерла слезы на щеках и подняла глаза, пока наконец не встретила с ним взглядом. Позволила ему увидеть себя. Эту версию себя, которая истекает кровью так же, как и все остальные, которой больно, как и всем остальным, которая... чувствует. Он остановил на мне взгляд и тяжело сглотнул. Я была уверена, что он сочтет меня сумасшедшей, но неожиданно нашла в его глазах понимание. И именно это заставило следующий всхлип вырваться из моей груди. Он обнял меня и крепко прижал к себе, положил подбородок мне на макушку.

– Ты в порядке. – Это прозвучало как заклинание, как мантра, как обещание. – Я с тобой. Ты в порядке.

От этого стало только хуже. У меня в груди все затрепетало от прозвучавшего в его словах обещания. Я захотела, чтобы оно стало правдой. Захотела, чтобы все было по-другому и я могла бы позволить себе поверить в это, обрадоваться. Я так сильно это ненавидела. Он обнял меня и дал выплакаться, пока у меня не кончились слезы. Наконец придя в себя, я вздохнула, отстранилась и несколько раз вытерла лицо. Однако было ясно, что мой макияж – настоящая катастрофа и мне нужно умыться и нанести его заново.

– Так неловко, – прошептала я второй пуговице.

– Перестань. – Он приподнял мой подбородок. – Я не собираюсь тебя осуждать.

Я сглотнула, прерывисто вздохнула и снова вытерла лицо.

– Спасибо.

– Хочешь об этом поговорить?

– Не могу. – Мои губы снова задрожали, но я сдержалась. – Не сегодня.

Никогда.

Он снова обнял меня и вздохнул, прижимая к себе, поглаживая большим пальцем тыльную сторону моего правого плеча успокаивающими круговыми движениями. Не знаю, сколько прошло времени – может, несколько минут, а может и вечность, но впервые за два года я ощутила покой. Почувствовала себя в безопасности. *Почувствовала*, и точка. Но я знала, что это неправильно. В глубине души мне хотелось рассказать ему, что произошло, но я знала, что не смогу. Что я ему скажу? Что, сколько бы он ни преследовал меня, ему никогда не победить моего настоящего проклятого преследователя, человека, который много раз разрушал мою жизнь? Что я не могу пойти в полицию, как обычный человек, потому что весь город у него в кармане? И я промолчала. Не сегодня. Но я должна положить этому конец, потому что, если так будет продолжаться, я его погублю. И даже у меня не хватит сил вынести такую тяжесть вины.

Глава пятая

Лахлан

Я проводил Лайлу в гостевой домик и подождал, пока она поправит макияж. Мне захотелось забрать ее подальше отсюда. Из города. Из штата. Из этой страны. С этой гребаной планеты. Не важно куда, лишь бы заставить ее улыбнуться. Меня никогда не волновали женские слезы. Я часто видел, как плачет мать. Сам доводил девушек до слез, когда они пытались давить на жалость, требуя больше, чем я был готов дать. Слезы раздражали меня до чертиков. Они всегда сопровождались какими-то ожиданиями – утешения, секса, чего угодно. Но вид плачущей Лайлы выбил меня из колеи. Может быть, потому что она вообще редко проявляла эмоции. А может быть, потому что она волновала меня немного больше, чем я хотел признать.

Как бы то ни было, она не захотела откровенничать и полностью замкнулась, когда мы вошли во двор ее отца. Выражение ее лица снова стало бесстрастным, взгляд – пустым. Меня это чертовски бесило. Я предпочел бы слезы безразличию – но только *ее* слезы. Я не знал, как ей это удавалось, но она была прекрасна даже тогда, когда плакала. Ее глаза смягчались, и в них читалась мольба, практически крик: «Спаси

меня!» От кого или от чего, я не знал, и у меня возникло ужасное чувство, что проблема заключалась в ней самой, и, как бы мне ни было неприятно это признавать, только она одна могла это сделать.

Я закрыл глаза и перевел дыхание. *Как, черт возьми, меня угораздило оказаться в этой ситуации?* Я всегда был эгоистом. Так было проще. Только матери и брату было позволено находиться в моем «пузыре», в основном потому, что я не мог от них избавиться, даже если бы попытался. Всех остальных я держал на расстоянии. Слишком ранняя слава научила меня постоянно сомневаться в мотивах всех и каждого. Я любил и уважал товарищей по команде и ценил их дружбу, но никогда не сидел сложа руки и не грузил их своими проблемами. Для них я был крутым центровым, достигшим такого уровня известности, о котором они могли только мечтать, повесой, который менял женщин как перчатки. Впрочем, самих женщин это тоже не слишком волновало. Большинство из них были просто хоккейными «зайками», которые жаждали похвастаться, что сумели со мной переспать, как будто это какой-то знак почета. И тут появилась Лайла, черт бы ее побрал, Джеймс, с ее безразличием и язвительными шуточками. Та, которой на самом деле было наплевать, кто я такой. Которая, черт возьми, даже не слышала обо мне до прошлой недели. И если я держал всех на расстоянии вытянутой руки, то для нее окружающие вообще находились в другом измерении.

Пока она была в ванной, я огляделся в поисках чего-нибудь, что могло бы рассказать мне о ней больше. Я ее жаждал. Не только ее тело, но и ее саму. Ее внимание, ее секреты, улыбку, смех. Хоть что-нибудь. Все. Мне хотелось проникнуть в ее мозг и порыться в воспоминаниях, тревогах, страхах, симпатиях и антипатиях. Проклятие. Меня бесило, что мой левый крайний знал, что с ней случилось. Это было несправедливо, поскольку Прескотт давно был с ней знаком, но, когда дело касалось ее, я не собирался играть по правилам. Мне нужна была победа любой ценой. Я хотел быть единственным хранителем ее тайн. Хотел обладать ею. Самым разумным было бы уйти прямо сейчас, потому что я знал: если задержусь еще немного, эта девчонка меня погубит. Она уже меня погубила, хотя знал я ее всего неделю. Лайла была ходячим знаком опасности. Она дала мне все основания бежать без оглядки, но я застрял в каком-то странном гравитационном поле, которое она создавала вокруг себя.

Я продолжал осмотр. В гостевом домике было не так уж много вещей: маленькая шкатулка для драгоценностей с танцующей балериной и книжная полка. На полке стоял стеклянный футбольный мяч, который привлек мое внимание. Выглядел он чертовски круто. Может быть, подарок отца? Подойдя ближе, я понял, что это кубок. Не *просто*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.